

Январь выдался морозным и снежным.

Дворники едва успевали разгрести снег вокруг домов и стадионов, прикрывая свои щёки тёплыми шарфами. Мороз, про который в городе все почти забыли, в эти рождественские дни неистово щипал все открытые носы и носики, напоминая о себе.

И только на градуснике за окном столбик термометра пополз вверх, дочка с внуком стали радостно и шумно собирать всё спортивное снаряжение на каток. С коньков в спешном порядке стиралась пыль. Достались шапочки, наколенники, перчатки. И когда перед Еленой Павловной на полу появились её старые, потёртые фигурные коньки, она поняла, что и ей сегодня не удастся отсидеться дома в тепле, а придётся поморозиться и блеснуть перед внуком своим мастерским владением коньком. Хоть и не стояла на них она лет десять точно, но не ударять же в грязь лицом перед молодым поколением — придётся всё вспоминать.

Каток находился недалеко и уже манил весёлыми мелодиями и детским смехом. Переобувшись и вспорхнув на лёд, сразу забывалось всё, что тревожило, огорчало и волновало несколько часов назад. Встав на коньки, ты отрывался от земли и земных тревог и попадал в иное измерение, в эдакую ледяную сказочную невесомость.

И парить в этой невесомости можно было бесконечно или до тех пор, пока, закружившись, не почувствуешь, что умеешь ещё и летать — правда, только вниз...

Вдоволь накатавшись и устав, вся весёлая разгорячённая троица плюхнулась на ближайшую свободную скамейку, чтобы перевести дух.

— А может, нас пожалеют и предложат что-нибудь перекусить? — Елена Павловна с внуком Никитой посмотрели на дочь.

Полина, сняв коньки, быстренько достала из рюкзака всем по бутерброду и налила в кружечку горячий, манящий ароматом земляники чай.

— Мам, а помнишь, как мы собирали землянику много лет назад, когда я была ещё маленькая, только закончила первый класс? — игриво начала разговор Полина, убегая мыслями в детство. — Помнишь, я сказала, что она просыпалась?

— Да, — вспомнила Елена Павловна. — Мы тебя ещё все жалеть кинулись.

— Мам, сейчас, конечно, стыдно, а тогда так захотелось земляники! Этот чудесный запах! Прости меня, пожалуйста, я тогда не сдержалась и, пока вы с папой ушли вперёд, съела всю землянику из своей баночки. Папа как раз туда досыпал ещё горсть. Прости, пожалуйста. Так стыдно держать в себе мысли о детских тайных проступках, за которые уже давным-давно надо было попросить прощения. А сегодня такое замечательное настроение, такая лёгкость в душе, что не хочется, чтобы тяготили какие-то невысказанные мысли, страхи и переживания. Прощаешь ли дочь свою, о великая Елена Павловна? — наигранно, нараспев, произнесла Полина.

Никита засмеялся и, поддерживая её игривый тон, спросил:

— А не хочет ли ещё в чём-нибудь признаться о правдивейшая из правдивейших?

Полина, убирая термос в рюкзачок, опустила голову и задумалась...

— А знаешь, мама, меня давно мучает совесть за мой «потерянный» дневник с двойкой. Помнишь?

Мы учились классе в третьем. И как-то вся наша дружная компания девочек получила двойки по труду. Их выставила в дневники молоденькая учительница-практикантка, заменявшая тогда нашу заболевшую Нину Дмитриевну. Как выяснилось потом, двойки были незаслуженными, нам не задавали это домашнее задание. Но они, огромные и безобразно-некрасивые, уже стояли у всех в дневниках.

Мы всей нашей несправедливо обиженной заплаканной компанией вышли из школы и побрели домой, по дороге обдумывая, как дома мы сможем доказать, что учительница неправильно поставила нам оценки, что это ошибка... Угроза суровых наказаний за двойку нависла над всеми...

Первая не выдержала Сонька:

«А я не понесу домой дневник, меня папка бить будет».

«И меня», — поддержала её Света.

Вся наша «могучая кучка», остановившись, достала дневники и, не стовариваясь, стала вырывать из них листы с предательской и несправедливой двойкой.

Следы «несправедливости» мы решили закопать в снегу, под водосточной трубой. Дневники с оборванными и грязными страницами смотрелись ужасно, и мы решили, что и они, свидетели нашего позора, должны быть закопаны в снегу, там же.

...Не подумали мы только об одном. Зима была в том году тёплая, с оттепелями. И уже ночью вода из водосточной трубы потоком разнесла по двору все наши вырванные листы и жалкие, помятые дневники. И залила их ровным слоем талой воды. За ночь они замёрзли и превратились в красивые, почти кафельные, плиточки, с аккуратными

узорами из наших школьных каракулей и ярко-красных двоек, выведенных от души, на три строчки.

А утром, когда наша выздоровевшая Нина Дмитриевна шла в школу, то она должна была почувствовать себя как минимум королевой математики, потому что величественно ступала по алеющим ледяным двойкам. Сначала это событие её удивило, потом насторожило, но когда она поскользнулась на вмёрзшем в лёд Светкином дневнике, то, ошарашенная и испуганная, уже бежала в школу.

По горячим следам раскрылось, что молоденькая учительница-практикантка не так посмотрела запись заданий, не догадалась позвонить ей вовремя, сотовых тогда ещё не было, и выставила всем девочкам, как оказалось, незаслуженные двойки, желая проучить нерадивых учениц. Но факт был налицо, а вернее, скользкие и ледяные факты были на улице под ногами прохожих.

День прошёл в обычном режиме. Новые дневники мы ещё не успели купить, а их, к нашему удивлению, у нас весь день и не спрашивали. А после уроков Нина Дмитриевна, отправив всех мальчишек домой, собрала нас, девочек, в классе. Мы притихли, мигом поникли, понимая, что вот оно, сейчас начнётся буря, и слушали Нину Дмитриевну, открыв рты...

...Именно после этого экстренного классного часа мы стали сразу взрослыми и ответственными. С этого дня научились отвечать за свои поступки и предугадывать их последствия. Несколько девочек, и я в том числе, с этого дня решили, что пойдём работать в школу и постараемся быть хорошими учителями, как наша любимая Нина Дмитриевна, и будем справедливы, тактичны к своим ученикам.

...Сначала мы слушали Нину Дмитриевну, потом рассуждали, потом опять слушали...

Но зазвенел звонок, и в дверь неуверенно, боком, держа в руках большой свёрток, вошла девочка-практикантка. Она почти шёпотом пролепетала, что приносит

свои извинения, ведь она «ещё не волшебник и только учится», и пообещала нам, что обязательно научится педагогическим секретам. И к наступающему Новому году раздала каждой из нас по новенькому, с какой-то необычайно красивой обложкой, дневнику...

Мы были безумно рады такому подарку. Мы же были детьми и быстро сменили гнев и страх на милость и любовь.

Ты же помнишь, мам? Вы же так и не узнали про эту историю! На родительском собрании Нина Дмитриевна сказала, что старые дневники девочек были нечаянно чем-то испорчены и с новыми дневниками мы будем до конца учебного года проводить эксперимент под девизом: «Двойки нам не друзья!»...

Эксперимент удался.

Несколько человек из класса впоследствии окончили школу с медалями. Мы научились бороться с двойками своим трудолюбием, усердием и терпением. И до конца одиннадцатого класса двойки почти не встречались в дневниках, а тем более в журнале.

Когда чуть потеплело, всем классом вышли на субботник по благоустройству города и собрали наши вытаявшие дневники.

Полина закончила свой рассказ и улыбнулась.

С катка возвращались молча.

Каждый из нас обдумывал какие-то свои мысли.

Я же думала о том, что как много важных событий происходит с нашими детьми в школе. Как из мелочей, поступков, необдуманных или продуманных действий учителя могут складываться характеры и судьбы их учеников.

И как важно, чтобы в школьные годы с ними рядом оказывались мудрые наставники, педагоги.

Терпения, радости и дара педагогического творчества вам, представители этой хрупкой и важной профессии!